

УДК 809

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИЙСКОЙ МИСТИКИ

© М.И.Никола

В статье рассматриваются жанр и сюжетная структура сочинений английских мистиков XIV века, подчеркивается их роль в развитии английской прозаической традиции.

Ключевые слова: мистика, «духовное паломничество», сюжетная топика, упрочение прозаической традиции.

В Западной Европе мистические учения получили широкое распространение в XII–XIII веках (Гуго и Ришар Сен-Викторские, Бернард Клервосский, Мейстер Экхарт и др.). В XIV веке мистические идеи и настроения в значительной степени распространились также и в Англии. Лежащая в их основе проповедь индивидуального «общения» с божеством способствовала охлаждению к внешней обрядности и, в частности, проявилась в кризисе паломнического движения. Осаждающие прежде Европу толпы английских паломников в XIV веке значительно уменьшились, стало более предпочтительным поклонение местным святым. Кроме того, ритуал заметно секуляризовался, что достаточно ярко запечатлено в знаменитых «Кентерберийских рассказах» Чосера.

Хотя расцвет мистицизма, в том числе и английского, относится к зрелому Средневековью, важно напомнить, что корни его гораздо более ранние. Еще Плотин (III в. н.э.) начал развивать мысль об удалении души от Бога и необходимости возвращения ее к нему, но не через рациональное умпостижение, а через экстаз. Исключительное значение для развития мистических идей имели также «Ареопагитики» Псевдо-Дионисия (VI в.), детально разрабатывающие идеи апофатического богословия. Отдельные мистические идеи развивали также отцы церкви, прежде всего блаженный Августин (IV–V вв.) в «Исповеди», «О граде Божиим», других сочинениях. Поздние средневековые мистики нередко апеллируют к вышеназванным авторитетам, включая в свои тексты цитаты, парафразы, образные реминисценции из их трудов.

Существует также и вполне определенный круг притяжения библейских текстов. Так, особое внимание мистиков привлекал фрагмент евангелия от Луки, повествующий о путешествии в Эммаус, а также послание Павла к коринфянам, где он рассказывает об одном человеке, который при жизни был «восхищен до третьего неба». Но, пожалуй, наиболее частым, а равно глубоким, было обращение к ветхозаветному

эпизоду, повествующему о восхождении Моисея на Синай для встречи с Богом. Свое восхождение Моисей начинает с очищения, отделив себя от нечистых. С избранными священниками достигает он вершины Божественного восхождения. Однако не видит Бога, а лишь приближается к месту, где тот обитает. И лишь проникнув в «мрак неведения», освободившись от всякого чувства и знания, не принадлежа больше ни себе, ни чему-либо внешнему и чуждому, удаивается он встречи с тем, кто не подлежит никакому познанию. Этот эпизод стал излюбленным примером мистиков, в том числе и английских, при изложении мысли о непознаваемости божественной природы. Достаточно частым было также обращение к мотивам и образам «Песни Песней». Образ возлюбленной, невесты, тоскующей по своему жениху, манящему, но неуловимому, истолковывался мистиками как образ души, неудержимо стремящейся к слиянию с божеством. И, наконец, особое внимание привлекали псалмы Давида с их хвалой Богу и молитвенным обращением к нему. Многие мотивы псалмов, равно как и ритмы их, были восприняты мистиками, которые, кстати, нередко выступали в роли переводчиков псалмов на родные языки, а также составителей комментариев к ним.

Как более поздний, английский мистицизм представляет, таким образом, новую ступень в развитии традиции. Наиболее заметной особенностью этого этапа является усилившийся индивидуализм. Западноевропейские мистики XII–XIII веков редко (Бернард Клервосский) или почти никогда не включали в свои сочинения автобиографический рассказ о внутренней жизни. Они скорее делились плодами обретенной мудрости, создавая нравственное учение с определенными советами и рекомендациями, преимущественно адресованными монашеской братии. Что касается писаний английских мистиков, то они в гораздо большей степени личностны и эмоциональны. Авторы излагают мотивы, побудившие их к отшельничеству, связанные с избранным образом

жизни трудности как внутреннего, так и внешнего характера. Они сообщают драгоценные подробности психического и физиологического опыта, в повествование врываются детали окружающей бытовой, социальной, культурной жизни. Причем по мере развития традиции наблюдается увеличение доли «мирского контекста».

И неслучайно наиболее позднюю представительницу круга рассматриваемых английских мистиков Марджери Кемп (Margery Kemp, конец XIV–XV вв.) возможно уже рассматривать как автора первой английской автобиографии, на наш взгляд, представляющей эмбриональную форму романа. Английские мистики, таким образом, своеобразным путем передали атмосферу своего времени, переходной эпохи с ее исканиями новых форм жизни, новых верований и убеждений.

В круг английских мистиков указанного периода входят Ричард Ролль из Гемпола (Richard Rolle of Hampole, 1307–1349), Вальтер Хилтон (Walter Hilton, ? – 1395), неизвестный автор сочинения «Облако неведомого» («The Cloud of Unknowing», 1370?), Юлиана из Норвича (Julian of Norwich, 1342– 1419?) и уже упомянутая Марджери Кемп. Имена эти мало известны в отечественной англистике. Сравнительно недавно, в 2010 г., вышел перевод лишь одного из вышеназванных авторов – Юлианы, ее «Откровений божественной любви» [1]. Недостаточно освоены они и в английском литературоведении. Однако в настоящее время наблюдается растущий интерес к творчеству английских мистиков, приходит осознание их вклада в процесс становления и развития английской прозы, а также воздействия на средневековую поэзию. Рассмотрение этого явления значительно обогатило картину литературного процесса позднего Средневековья, заставило уточнить ряд концепций (структуру жанровой системы, понимание истоков Предреформации и т.д.).

Одна из главных проблем, обсуждаемых исследователями, – жанр мистических сочинений. Наиболее удачным представляется ряд обозначений, предложенный в свое время Дж. Гарднером: «Spiritual Journey», «The Pilgrimage of desire», «Journey of Life» [2: 3]. Не менее важна, на наш взгляд, и проблема «реконструкции» топики обозначенного жанра, установления его характерной сюжетно–композиционной структуры, а также ее внутренней логики.

Заметим, что «Духовное паломничество» не предполагает перемещения героя в пространстве с целью очищения от греха, приобщения к тайнам Писания и поклонения святым местам. Оно запечатлевает преимущественно «тайны духа»: как воображаемый, так и непосредственно пережитый мистический опыт индивидуума, его ис-

кания встречи с божеством и пути восхождения к этому слиянию. Начнем с пролога повествования. Обычно, это рассказ об отправном моменте «паломничества души». Как правило, толчком, импульсом к «обращению» («Revelation») героя становится тяжелая болезнь, пограничное состояние между жизнью и смертью. Чаще всего оно настигает героя в «возрасте Христа». Бывает, что он сам просит о «ниспослании испытания», желая приобщения к «Страстям Христовым». На одре страдания подносят герою распятие. Напряженное лицезрение его становится важной деталью и для повествователя оборачивается пронзительной и неотступной мыслью о Творце и его крестных муках. Выздоровление всегда выглядит неожиданным и предстает как чудо. Ему сопутствует душевный перелом: жажда внутреннего очищения и служения богу. Так, «испрошенной» к тридцатилетнему возрасту описывает свою болезнь Юлиана в «Revelation of Divine Love», а Марджери в «The Book of Margery Kemp» представляет подобное состояние как следствие тяжелых, мучительных родов.

Обретенное осознание своего духовного призвания оказывается не просто осуществить. Хорошо, если, как у Р.Ролля, находятся понимающие покровители, но чаще появляются недоброжелатели, враги. В неожиданном обращении они усматривают лицемерие и видят опасность для общества. М.Кемп описывает свое столкновение с церковными и светскими властями: допросы, временное заточение. И все же самым страшным оказывается для героев «верховный враг» – дьявол. Спор бога и дьявола за новообращенную душу – важный структурный компонент «духовного паломничества». Дьявол посылает искушения, внушает богохульные помыслы и т.д. Р.Ролля дьявол искушал в облике молодой прелестной женщины, принуждающей его к плотскому греху; Марджери он поверг в безумие, когда она терзала свою плоть и обрушивалась с бранью и клеветой на окружающих; Юлиану дьявол душил во сне, и, придя в себя, она продолжала ощущать удушье, вызываемое дымом и смрадом. В самый трудный момент Бог спасал душу. Иногда, как, например, у Марджери, он даже появлялся в облике торжествующего победителя, в пурпурной шелковой мантии, с сияющим лицом. Если дьявол оставлял за собой дым и зловоние, то Бог – ощущение омывающей свежести и стихии света. Однако эта «встреча» еще не означала настоящего единения с богом, а оказывалась началом пути к нему.

Описание различных ступеней и соответствующих состояний на пути к Богу составляет основную, главную часть в писаниях мистиков. Все они подчеркивают, что путь к высшей, совер-

шенной жизни нелегко и долго, ему невозможно без труда подражать. Он требует искреннего и страстного желания, воли, душевных усилий и полного бескорыстия. Невозможно быть заранее уверенным в успехе, но следует верить в милость божью. Первой ступенью «Паломничества души» все мыслят стадию «очищения» («Purification»). Эта стадия предполагает осознание своих грехов, искреннее покаяние и искоренение пороков. Поскольку грехи связаны чаще всего с мирскими соблазнами, герой избирает путь уединения и созерцания («Contemplative Life»).

Преимущества такого образа жизни особенно детально излагает Р.Ролль в «The Form of living» и В.Хилтон в «The Scale of Perfection». Чтение Библии, молитвы, медитации составляют главное содержание созерцательной жизни. Их цель – обретение глубинной, все существо заполняющей любви к Богу. Хотя тема троичности божества занимает у мистиков большое место, тем не менее их учения христоцентричны. Любовь к Богу приходит через приобщение к его земной судьбе: размышлений о его рождении, крещении, проповедничестве и, особенно, мучительной смерти. От размышления о значимости этих событий герой приходит к глубокому «вчувствованию» в них, особенно в гибель творца на Голгофе. Сознание, многократно заостренное на этом эпизоде, начинает видеть его в живых, пластичных деталях. Преодолевая время и расстояние, герой оказывается как бы участником события.

Так, например, Юлиана описывает состояние погоды: Христос у нее умирает на сухом, резком ветру («harre wind, wonder cold»). Крест в ее описании поддерживает сам Бог-отец, а Бог-дух летает над головой Спасителя в облике голубя. Сама она стоит рядом с Марией, больше всего потрясенная обильно текущей кровью: «*In this sodenly I saw the rede blode trekylle downe fro under the garlande, alle hate, freschlye, plentifully <...>*» – «Вдруг при этом я увидела алые капли крови, стекающие из-под тернового венца, горячие, свежие, обильные <...>» [1: 458-459] (Перевод Ю.Дресвиной).

Параллельно с темой любви к Богу развивается тема любви Бога к человеку. «Паломничество души» изображается, таким образом, как встречное движение: «*God loves alle that he has made*» – «Бог любит все, что он создал», Julian. «Revelations of Divine Love») [1: 468] (Перевод Ю.Дресвиной). Душа, вследствие грехопадения некогда утратившая бога, путем любви и преданности вновь ищет его, и творец, хранитель и спаситель души, как и в самом начале движения (в момент болезни и дьявольских козней), приходит на помощь: подает тайные знаки своего одобрения и

благоволения. В качестве этих знаков чаще всего выступает внезапное тепло (жар), свет, сладостная мелодия, степень и действие которых усиливаются на более высоких ступенях приближения к божеству.

Установление этих признаков возводят обычно к писаниям Р.Ролля (Richard Rolle of Hampole). С именем Р.Ролля связан еще один характерный мотив: в привлечении божественной благодати отводит Р.Ролль большое значение служению святому имени Христа. Имя Христа должно быть всегда в душе и всегда на устах, как магическая формула, ибо, по убеждению Ролля, ничто не угодно Богу так, как обращение к его имени: «*This name Jhesu, fast in thi hert, that it com never, owt of thi thogh... thurgh custom, it shal be in thi ere joy, in thi mouth hony, and in the hert melody <...> it opens heven, and makes a contemplatif man*» – «Это имя Иисуса, первое для твоего сердца, непреходящее, неотъемлемое, оно будет твоей радостью, сладчайшим словом для уст, мелодией сердца <...> оно отверзнет небеса и сделает тебя совершенным человеком» [3: 44] (перевод наш – М.Н.).

Хотя мистицизм возник как своеобразная оппозиция схоластике с ее громоздкими к концу средневековья рациональными построениями, иерархическими по своей структуре, осложненными многочисленными дефинициями, известная печать схоластики у мистиков осталась. Она, главным образом, ощущается, когда они рассуждают о градациях и степенях любви к Богу, этапах личностного совершенствования, наборах небесных даров и т.д. Этим грешит даже самый лиричный из мистиков – Р.Ролль, но особенно увлекается самый рассудительный – В.Хилтон, чье сочинение показательное в этом отношении уже своим названием: «The Scale of Perfection».

Однако сущностью создаваемых мистиками иерархических структур остается динамическая устремленность от земной и грешной человеческой природы, преобладания рационального, практического склада – к уединенности, самопознанию, покаянию и очищению и, наконец, к выходу из самососредоточения, освобождению своего «я» от пут земного бытия, выходу за пределы рационального и чувственного постижения и безоглядному «отданию» себя в состоянии «божественного экстаза». Примечательно, что какую бы структуру «восхождения души» ни формировал мистик, в ней всегда легко усматривается действие принципа божественной символики числа. Момент же «главной встречи», слияния с божеством, никогда не описывается подробно и наглядно, ибо это тайна души: «<...> *but in secret within my soul, because in the presence of my Crea-*

tor alone» – «но сокровенно в моей душе, потому что уединенно предстаю перед Богом» [1: 53] (перевод наш – М.Н.). Иногда процесс слияния передается метафорически, как у автора «The Cloud of unknowing». Бог непознаваемый, словно облаком, окутывает героя, принимая его в свое лоно. «*Fondo for to prerse that dekness aboven thee. And smyte apon that thicke clouds of unknowing with a scharp darte of longing love*» – «Люблю предчувствие темноты вокруг тебя. И ощущаю сквозь густое облако неведомого острую молнию неизбывной любви» [4: 63] (перевод наш – М.Н.).

Характерна также звучащая в финале тема «материнства Христа». Он дает жизнь душе, хранит ее, опекает и терпеливо ждет возвращения ее после земного скитания. Таким образом, мистики утверждали концепцию жизни как странничества, паломничества на свою небесную родину и в этом полагали основной смысл человеческого существования. При этом достижение цели они скорее видели в условиях уединенного существования. Утверждение возможной полноты и глубины духовной жизни при ограничении материальных пределов – излюбленный пафос мистиков.

Очерченный комплекс топики жанра не исчерпывает его конкретного своеобразия в писаниях мистиков. При общем тяготении к обозначенной канве у каждого есть свои излюбленные мотивы, свои акценты, свои детали и подробности воображаемых картин, пережитых состояний и т.д. В повествованиях каждого немало неподдельного чувства, страстного устремления, пылкой мысли, живой фантазии. Неудивительно, что писания мистиков вызывали у современников живой интерес, между тем как церковь относилась к ним враждебно или сдержанно. Мысль мистиков о спасении как личном, индивидуаль-

ном акте, зависящем от Творца, но прежде всего определяемом индивидуальной волей, расходилась с официальной доктриной о предопределении.

Тексты мистиков, предназначенные для вдумчивого уединенного чтения, а не публичного исполнения, утверждали новую прозаическую культуру. Но, главное, они обогатили психологический аспект прозы: первыми заговорили на родном языке о глубинах мистического и философского опыта. Есть немало исследователей, полагающих, что английская мистическая проза XIV столетия едва ли не самое высшее достижение этого века. Приведем, к примеру, суждение Ф.Хадсона: «*These English mystics expressed the spiritual achievement of their age in prose and mature in thought and in the use of words as the finest contemporary poetry*» – «Английские мистики отразили духовные достижения своего века в прозе и по зрелости мысли и слова не уступают лучшей современной им поэзии» [5: 8] (перевод наш – М.Н.). Не настаивая на подобном утверждении, заметим, что без представления об этом направлении картина литературного процесса в Англии XIV века представляется неполной и ущербной.

1. *Нориджская Ю.* Откровения Божественной Любви. Пер. Ю.Дресвиной. – М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2010. – 560 с.
2. *Gardiner F.C.* The Pilgrimage of Desire. A Study of Theme and Genre in Medieval Literature. – Leiden, 1971. – 161 p.
3. *Rolle R.* Selected Writings. – London, 1963, vol. 2 – 172 p.
4. *The Cloud Unknowing.* – London, 1961. – 163 p.
5. *Hodgson Ph.* Three 14th century English mystics. – London, 1966. – 47 p.

GENRE FEATURES OF THE ENGLISH MEDIEVAL MYSTICISM

M.I.Nikola

The article deals with the genre and plot structure of the 14th century works of English mystics; their role in the development of the English prose tradition is emphasized.

Key words: mysticism; “spiritual pilgrimage”, plot topics, strengthening the prose tradition.

Никола Марина Ивановна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой всемирной литературы Московского педагогического государственного университета.

E-mail: nikola7352@mail.ru

Поступила в редакцию 12.06.2013